

В. Д. Камынин*

**СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ
О СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ОБЛИКЕ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ
В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

В ОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ОБЛИКЕ уральских рабочих в творчестве современных исследователей отводится большое место. Современная историографическая литература по данному вопросу, с одной стороны, многочисленна, с другой – достаточно противоречива. Среди исследований историографического характера можно назвать статьи Н. Н. Алеврас и М. А. Фельдмана, в которых делается попытка переосмысления вклада ведущих уральских исследователей советского периода в изучение этого вопроса¹. Оценка современной литературы о социальном облике уральских рабочих содержится в работах В. Л. Берсенева, В. Д. Груня, Е. Б. Заболотного, А. В. Иванова, В. Д. Камынина, А. С. Кармазина, Ю. Д. Коробкова, А. Т. Тертышного, М. А. Фельдмана и др.², а также во вводных очерках к монографиям С. П. Постникова и М. А. Фельдмана³.

---

* Камынин Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России и стран СНГ Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

¹ См.: Алеврас Н. Н. Ф. П. Быстрых и проблема уральского рабочего с наделом // Урал в XX в.: экономика и политика. Тез. регион. ист. чтений, посв. 100-летию со дня рожд. Ф. П. Быстрых, 21 нояб. 2001 г. Екатеринбург, 2001; Фельдман М. А. Ф. П. Быстрых о социальном облике рабочих Урала // Там же; Он же. В. Г. Чуфаров и изучение культурного облика уральских рабочих // Культура и интеллигенция России XX в. как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения. Екатеринбург, 2003; Он же. На пути к исторической правде: В. В. Адамов и история рабочих промышленности Урала // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.: К 90-летию со дня рождения В. В. Адамова. Екатеринбург, 2004.

² См.: Заболотный Е. Б., Камынин В. Д., Тертышный А. Т. Урал накануне великих потрясений 1917 г. (историографический очерк). Тюмень, 1997; Коробков Ю. Д. Проблема специфики рабочего класса Урала в исторической литературе // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2000. Вып. IX; Иванов А. В. Социальная идентификация рабочих Урала: отечественная историография проблемы // Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт. Мат. Всерос. науч. конф., посв. 300-летию г. Каменска-Уральского. Екатеринбург, 2001; Фельдман М. А. Социокультурный облик рабочих уральской промышленности в 1900–1917 гг.: историографические проблемы // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, 2006; Заболотный Е. Б., Кармазин А. С. Современные исследователи об особенностях социального облика рабочих Урала в 20–30-е гг. XX в. // Россия в XX веке: история и историография. Екатеринбург, 2004. Вып. II; Камынин В. Д., Грунь В. Д., Берсенов В. Л. История рабочих Урала в 20–30-е годы XX века в отечественной историографии. М.; Екатеринбург, 2008.

³ См.: Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик). Екатеринбург, 2001; Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург, 2006.

Следует отметить, что в современной историографии вопрос о социальном облике уральского рабочего стоит не менее остро, чем в советской историографии. Под влиянием новых методологических веяний современные исследователи предпочитают писать о социокультурном облике российских рабочих. С. П. Постников и М. А. Фельдман полагают, что это более удачный термин, поскольку «социокультурный подход предполагает исследование взаимодействия социального пространства, в котором действуют различные слои рабочего класса. Продуктом внутреннего взаимодействия является социокультурный облик конкретной социальной группы промышленных рабочих»⁴.

Изучение современной литературы показало, что ее авторы активно используют историографическую традицию в изучении этого вопроса, накопленную дореволюционными и советскими исследователями. Современные авторы достаточно дифференцированно подходят к оценке вклада советских исследователей в рассмотрение данного вопроса.

Сторонники традиционных взглядов критически относятся к работам исследователей 1920–1980-х гг., в которых содержалось указание на особый социальный облик уральского рабочего. Ю. А. Буранов и Д. В. Гаврилов критикуют К. А. Пажитнова за то, что он «рассматривал положение рабочих с тред-юнионистской точки зрения, освещал его в отрыве от социально-экономического и политического развития региона, совершенно обошел вопрос о сохранившихся на Урале остатках крепостничества». М. С. Балабанова они осуждают за «влияние меньшевистских теорий об отсталости и неразвитости российского пролетариата». Ю. И. Гессен, по их мнению, «смотрел на рабочий класс как на угнетенный класс, а не как на могильщика капитализма»⁵. В. И. Усанов полагает, что Ю. И. Гессен находился под влиянием «ошибочных положений концепции М. Н. Покровского»⁶.

В ряде современных работ высоко оценивается концепция В. В. Адамова по истории рабочего класса Урала, в частности его утверждение «о преобладании у уральских рабочих сословных черт и характеристик над классовыми»⁷. М. А. Фельдман пишет: «Его научно обоснованный вывод о зависимости социального облика рабочих Урала от конкретного вида горнозаводского округа мы рассматриваем как основополагающий в процессе изучения истории рабочих промышленности Урала»⁸. По словам В. С. Балакина и Л. П. Балакиной, В. В. Адамов «подверг критике концепцию о наличии на Урале в конце XIX – начале XX в. “чистого” пролетариата, о полном отождествлении его положения с положением рабочих Петербургского района. В связи с этим В. В. Адамов доказал большую роль промыслового и сельского хозяйства уральского горнорабочего, которое служило ему дополнительным источником дохода и вместе с тем привязывало к заводу»⁹.

---

⁴ Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). С. 8.

⁵ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 19.

⁶ Усанов В. И. История горнозаводской промышленности и рабочего класса Урала второй половины XIX в. в советской историографии. Челябинск, 1989. С. 29.

⁷ Предисловие // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. С. 5.

⁸ Фельдман М. А. Социокультурный облик рабочих уральской промышленности в 1900–1917 гг.: историографические проблемы. С. 299–300.

⁹ Балакин В. С., Балакина Л. П. Ценностные установки советских научных работников: романтизм, конформизм, стремление к истине (вторая половина XX в.) // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. С. 31.

Н. Н. Алеврас считает, что в современной историографии выводы Ф. П. Быстрых о преобладании тенденции пролетаризации горнозаводского населения и о формировании на Урале типичного для России отряда пролетариата «требуют переоценки с позиций задач новой социальной истории и историко-психологического ракурса, который задает культурологический подход в современном историческом знании»¹⁰. С. П. Постников и М. А. Фельдман критикуют мнение Ф. П. Быстрых о невозможности распространения данных о землепользовании всего горнозаводского населения на рабочих, полагая, что «можно говорить об определенной близости двух названных понятий – горнозаводского населения и рабочих»¹¹.

На современную отечественную литературу по вопросу об облике российского пролетариата серьезное влияние оказывает зарубежная историография. Западные историки и российские эмигранты всегда были склонны преувеличивать патриархальность российского пролетариата. По мнению английского историка Д. Хоскинга, в России «большинство рабочих не полностью порвали с сельской местностью: они были "крестьяне-рабочие", а не пролетарии в смысле Маркса»¹².

Именно в современной историографии для изучения данного вопроса стали использоваться источники личного происхождения¹³. Очень продуктивным для понимания социального облика уральских рабочих является изучение воспоминаний русских эмигрантов.

Из них следует, что после того, как с заводов Урала после окончания Первой мировой войны стали уходить пришлые рабочие там «оставались коренные заводские элементы, тесно связанные не только с работой на заводе, но и прикрепленные к этим местам всякими имущественными правами, домами, клочком поля или сенокосом и скотом». По словам Г. Б. Струмилло, «в этом отношении уральские рабочие резко отличались от рабочих остальной России»¹⁴. Д. Федичкин так характеризовал ижевских рабочих: «Ижевские рабочие почти все люди семейные, имели собственные дома, имущество, сады, огороды, покосы, домашний скот, птицу. Они прочно живут на своих местах в Ижевске и прочно держатся за постоянную и хорошо оплачиваемую государственной казной работу»¹⁵. По воспоминаниям работника Камско-Воткинского завода С. Н. Лоткова, заводские рабочие данного завода пользовались значительными социальными благами, которые обеспечивали ему безбедную старость. Он считал, что так же жили рабочие большинства уральских заводов¹⁶.

В современной историографии многими исследователями социокультурный облик рабочих в первые десятилетия XX в. рассматривается как производное влияние крестьянской психологии и традиций на рабочую среду. О влиянии кре-

¹⁰ Алеврас Н.Н. Ф. П. Быстрых и проблема уральского рабочего с наделом. С. 10.

¹¹ Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). С. 190.

¹² Хоскинг Д. История Советского Союза. 1917–1991. М., 1994. С. 25.

¹³ См.: Романовский В. К. Письма рабочих как источник для изучения социального облика рабочего класса 20-х гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1990. Т. XXI.

¹⁴ Исследования новейшей истории России: Народное сопротивление коммунизму в России: Урал и Прикамье (ноябрь 1917 – январь 1919). Париж, 1982. С. 31.

¹⁵ Там же. С. 336.

¹⁶ См.: Исследования новейшей истории России: Народное сопротивление коммунизму в России: Урал и Прикамье (ноябрь 1917 – январь 1919). С. 423.

стьянской психологии на рабочий класс пишется как в общероссийской¹⁷, так и в уральской литературе. По мнению Б. Н. Миронова, «крестьянское происхождение рабочих» «мы обнаруживаем во всем: в организации рабочих коллективов, в обычаях и ритуалах, в неуважении к собственности, в отношении к буржуазии как к паразитам, в монархических симпатиях, в склонности к стихийным разрушительным бунтам, в негативном отношении к интеллигенции и либеральному движению»¹⁸.

Н. Н. Алеврас предпочитает говорить о социокультурных характеристиках уральских рабочих как явлении переходного порядка между городской и сельской системами культурных ценностей¹⁹. По словам И. В. Нарского, «в образе жизни рабочего Урала сохранялось полукрестьянское происхождение, доставляющее властям немало хлопот»²⁰. С. П. Постников и М. А. Фельдман пишут: «Менталитет рабочих (за исключением сравнительно небольшого слоя так называемых “сознательных”) оставался в целом в рамках традиционных крестьянских представлений»²¹. Данные авторы полагают, что «первые четыре десятилетия XX в. ознаменовались трансформацией условий, уклада, образа жизни, социокультурного облика населения России, в том числе и промышленных рабочих». Авторы считают, что «эволюция социокультурного облика промышленных рабочих отразила весь ход модернизационных процессов»²².

По мнению исследователей, на формирование социокультурного облика рабочего класса Урала оказывали влияние многие факторы.

Современные авторы указывают на влияние на социальный облик советского рабочего традиционного уклада, который сложился у рабочих Урала еще до революции и продолжал существовать практически в неизменном виде вплоть до окончания гражданской войны. О. С. Поршнева считает, что менталитет рабочих Урала в этот период мало, чем изменился, и в нем по-прежнему сохранялись консервативно-патриархальные представления²³.

Другие уральские исследователи полагают, что традиционный уклад жизни сказывался на рабочем классе на протяжении всех 1920-х гг. Л. Н. Бехтерева подчеркивает: «Двадцатые годы XX в. – первое послереволюционное десятилетие, в котором “старая” российская традиция в жизни и быте людей продолжала существовать с элементами нарождающегося нового в политике, экономике, культуре»²⁴. По ее словам, несмотря на внедрение в городскую жизнь новых

¹⁷ См.: *Полищук Н. С.* Обычаи и нравы рабочих России (конец XX – начало XX в.) // *Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г.* СПб., 1997; *Миронов Б. Н.* Социальная история России (XVIII–XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 1999; и др.

¹⁸ *Миронов Б. Н.* Социальная история России (XVIII–XX вв.). Т. 1. С. 343.

¹⁹ См.: *Алеврас Н. Н.* «Уральский кризис» в начале XX в.: специфика промышленной субкультуры // *Урал в 1917–1923 гг.: актуальные проблемы изучения.* Челябинск, 1999. С. 167.

²⁰ *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 143.

²¹ *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). С. 13.

²² Там же. С. 3.

²³ См.: *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 – март 1918 гг.). Екатеринбург, 2000. С. 182.

²⁴ *Бехтерева Л. Н.* Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е гг. Ижевск, 1999. С. 3.

форм досуга к концу нэпа «образ жизни и уклад потомственных рабочих-ижевцев можно характеризовать как нравственно-бытовой традиционализм с достаточно высоким культурно-образовательным уровнем и почитанием религиозных обычаев, обрядов, праздников»²⁵.

С. П. Постников и М. А. Фельдман пишут: «Сравнительный анализ материалов переписей 1897 и 1926 гг. показывает сохранение целого ряда существенных характерных черт дореволюционного рабочего социума в первые годы советской эпохи. Объяснить подобное явление можно только тем, что при всей глубине социальных потрясений в российском обществе в период 1914–1922 гг. сохранялась не только прежняя структура экономики края, но и основы традиционной культуры горнозаводского населения»²⁶. Л. Н. Бехтерева показывает, что потомственные рабочие Ижевских заводов на протяжении всех 1920-х гг. сохраняли дореволюционный образ жизни и уклад, который автор квалифицирует как «нравственно-бытовой традиционализм с достаточно высоким культурно-образовательным уровнем и религиозностью»²⁷.

На социальный облик дореволюционного уральского рабочего в современной литературе, по-прежнему, высказывается две диаметрально противоположных точки зрения. Мы не согласны с мнением И. В. Нарского о том, что по поводу связи уральских рабочих с землей «в исторической науке нет серьезных разногласий»²⁸. Сам автор ниже пишет о том, что «большинство исследователей» разделяет его мнение относительно особенностей российского пролетариата²⁹.

Первая точка зрения сводится к тому, что уральский рабочий вплоть до революции 1917 г. сохранял особый социальный облик. По словам Ю. Д. Коробкова, «социальный облик уральского рабочего может быть адекватно определен как рабочий-домохозяин»³⁰.

Большинство исследователей рассматривает данный вопрос через призму «оригинального строя» уральской горнозаводской промышленности. По мнению И. В. Нарского, «специфика уральской промышленности не могла не отразиться в социальной сфере в виде замедленной дифференциации населения. Это явление наиболее выпукло отразилось в связи уральского рабочего с землей, которая была характерна для российского пролетариата, но более четко проявилась на Урале». Автор усматривает трагизм положения рабочего класса в том, что «уральский рабочий является наполовину рабочим, наполовину земледельцем, причем ни по тому, ни по другому состоянию не обеспечен средствами существования». Ведущим фактором, определяющим особенности рабочих края для него, как и для его предшественников, являлась связь с землей, которой их наделял горнозаводчик, и, как следствие, тесная связь с заводом». К основным чертам социального облика уральских рабочих И. В. Нарский относит такие, как: «неоднородность социального состава; связь с землей, которой их наделял горнозаводчик, и, как следствие этого, тесная связь с заводом; общая слабая мобильность и

²⁵ Бехтерева Л. Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е гг. С. 74.

²⁶ Постников С. П., Фельдман М. А. Указ. соч. С. 92.

²⁷ Бехтерева Л. Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е гг. (количественные и качественные характеристики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1999. С. 18.

²⁸ Нарский И. В. Русская провинциальная партийность. Челябинск, 1995. Ч. 1. С. 32.

²⁹ Там же. С. 34.

³⁰ Коробков Ю. Д. К вопросу об особенностях формирования горнозаводских рабочих Урала в пореформенный период. С. 124.

разбросанность по заводским поселкам на громадной территории; чрезвычайно низкая оплата труда; определенная локальная замкнутость рабочих; незавершенность процесса разложения сословия мастеровых»³¹.

Н. Н. Алеврас отмечает, что у уральского рабочего были специфические черты, которые оказывали серьезное влияние на его социальный облик. При этом она исходит из переходного характера горнозаводской промышленности Урала. Она пишет: «Горнозаводской Урал по основным параметрам своего оригинального строя можно воспринимать как один из промышленных анклавов страны, который приобрел по отношению к более развитым и благополучным в то время промышленным центрам характер внутриросийской вариации промышленной модели догоняющего типа»³². По ее словам, «ему соответствовал особый тип рабочего, представлявший некий промежуточный социальный субстрат, сформировавшийся в межкультурном аграрно-индустриальном пространстве»³³.

Н. Н. Алеврас рассматривает горнозаводских рабочих как составную часть горнозаводского населения – особой сословной группы, созданной государственной властью для обслуживания уральской металлургии, социальная психология которых определялась, прежде всего, традициями крестьянской среды, влиянием ближайшего социального окружения и сословной принадлежностью, с одной стороны, и порядками горноокружной системы, с другой, и, как следствие, отличалась «патриархальностью и инертностью психологии и поведения»³⁴.

С. П. Постников и М. А. Фельдман отмечают: «Трудно отрицать наличие различных внутрисословных групп в среде промышленных рабочих в зависимости от размера пользования надельной землей». Авторам удалось определить точные параметры этих групп в составе уральских рабочих на 1917 г. Они пришли к выводу, что можно выделить три группы: юридические собственники земли (20–25 % рабочих); рабочие, владеющие земельными наделами, но так и не ставшие полноправными собственниками (46–51 %); рабочие, не владеющие земельными наделами, либо имеющие участки менее 0,5 дес. земли (28–29 %)»³⁵.

Говоря о социальном облике большинства местных уральских рабочих в первые десятилетия XX в., эти ученые считают, что «справедливым будет определение уральского рабочего, как наполовину рабочего, наполовину земледельца. Уместна и такая характеристика: рабочие-домохозяева переходной эпохи с такими базовыми чертами психологии, как внутреннее достоинство и гордость. Эти черты определялись ролью труда в жизни рабочих и подчинении всего жизненного уклада его режиму»³⁶.

В то же время в современной литературе высказывается и другая точка зрения на социальный облик уральского пролетариата.

По мнению В. С. Аллаяровой, уже в конце XIX в. связь уральских рабочих с землей ослабла настолько, что они не надеялись на улучшение своего положения лишь с помощью землеустройства, а кризис 1900-х гг. и революция 1905–1907 гг.

³¹ Нарский И. В. Русская провинциальная партийность. С. 32, 33, 34.

³² Алеврас Н. Н. Политический курс и специфика аграрных преобразований на горнозаводском Урале в условиях российской модернизации (последняя треть XIX – первые десятилетия XX вв.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Екатеринбург, 2006. С. 65.

³³ См.: Алеврас Н. Н. «Уральский кризис» в начале XX в. С. 170.

³⁴ Алеврас Н. Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале. Челябинск, 1996. С. 6–7.

³⁵ Постников С. П., Фельдман М. А. Указ. соч. С. 196–197.

³⁶ Там же. С. 198–199.

все больше превращали их в «чистых пролетариев»³⁷. В связи с этим автор резко критикует эмигрантскую литературу, в которой говорится о том, что такие характеристики уральских рабочих как владение земельными наделами, правом рыбной ловли на заводских прудах и др., сохранялись вплоть до 1917 г.³⁸

И. В. Лаптевская утверждает, что в период капитализма в облике уральского рабочего произошли существенные сдвиги. Автор пишет: «Принципиально новой чертой стало сокращение, а потом и полное прекращение связи с землей на казенных заводах Южного Урала. При этом необходим дифференцированный подход к данному явлению: рабочие отсталых заводов и вспомогательных отраслей были крепче привязаны к земле, чем заводские квалифицированные рабочие кадры. Но во всех случаях социальный облик рабочего Урала как пролетария сохранялся, основным для него оставался заводской труд, а работа на земле – лишь материальной поддержкой его семьи, доход от которой в среднем составлял 15–20 % в семейном бюджете»³⁹.

П. Н. Дмитриев и К. И. Куликов полагают, что «наличие подсобного хозяйства до известной степени ставило рабочих в мелкобуржуазные условия существования»⁴⁰. П. Н. Дмитриев считает, что образ жизни и уклад потомственных рабочих-ижевцев можно охарактеризовать как проявление отсталости⁴¹.

Наиболее ярко данная точка зрения прослеживается в последних работах Д. В. Гаврилова. Автор, критикуя точку зрения В. В. Адамова, доказывает, что «пролетариат на Урале действительно существовал, и не только в фабрично-заводской промышленности и на железнодорожном транспорте, как полагал В. В. Адамов, но и в горнозаводской промышленности». По мнению историка, «горнозаводские рабочие в своей основной массе (70–90 %) не занимались обработкой земли, порвали с земледелием, процесс пролетаризации среди них зашел довольно далеко. Даже на старых, существовавших с крепостных времен заводах, сложилась значительная группа рабочих-пролетариев (около 40–59 %), совершенно лишенная каких бы то ни было средств существования, кроме собственных рук»⁴². Историк считает доказанным, что «на Урале – старейшем и крупнейшем промышленном районе страны, несмотря на существование в регионе остатков крепостничества, в конце XIX – начале XX вв. сформировался крупный отряд фабрично-заводского рабочего класса, являвшийся составной частью классовой структуры тогдашнего капиталистического общества»⁴³.

Д. В. Гаврилов отмечает, что в дальнейшем «в ходе капиталистической перестройки рабочие края постепенно утрачивали свой специфический облик, обусловленный “особым бытом Урала”, и все больше приближались к общему типу

³⁷ Аллаярова В. С. Социально-историческая сущность классовых составляющих горнозаводского пролетариата Урала. Свердловск, 1990. С. 5–6.

³⁸ См.: Там же. С. 7–8.

³⁹ См.: Лаптевская И. В. Социально-экономическое развитие казенной горнозаводской промышленности Южного Урала периода капитализма (1861–1917): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1995. С. 14.

⁴⁰ Дмитриев П. Н., Куликов К. И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 10.

⁴¹ См.: Дмитриев П. Н. Временный Прикамский комитет членов Учредительного собрания – орган власти мелкобуржуазной контрреволюции в Удмуртии в 1918 г. (очерк возникновения и деятельности) // Гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 97.

⁴² Гаврилов Д. В. «Новое направление» в исторической науке и его поклонники. Екатеринбург, 2005. С. 67.

⁴³ Гаврилов Д. В. Промышленный переворот на Урале: неудачная попытка переосмысления // ОИ. 2007. № 1. С. 157.

российского фабрично-заводского пролетариата». По его словам, к 1917 г. активная пролетаризация горнозаводского населения, крупные количественные и качественные сдвиги в структуре рабочих кадров привели к превращению уральского пролетариата из класса «в себе» в класс «для себя»⁴⁴.

С. П. Постников и М. А. Фельдман, критикуя точку зрения Д. В. Гаврилова, считают, что в ее основе лежит «отстаивание марксистских тезисов о победе капиталистического уклада в экономике России, наличия в нашей стране объективных предпосылок для социалистической революции»⁴⁵.

Кроме того, в современной историографии можно обнаружить сторонников дифференцированного подхода к определению социального облика уральского рабочего. П. Н. Дмитриев пишет, что хотя «горнозаводские рабочие Удмуртии принадлежали к уральским рабочим», но взгляд на уральского рабочего как на особый тип рабочего, трактовка его социальной природы как полукрестьянской, не учитывает «многослойность уральского пролетариата». По мнению историка, «события революции и гражданской войны заметно ускорили созревание общеклассовых черт в социальном облике рабочих Удмуртии, ослабив патриархально-сословные его особенности»⁴⁶.

Удмуртские ученые отмечают, что наряду с массовым слоем кадровых рабочих, которых можно отнести к рабочим с «наделом», чьи интересы и пристрастия «полнее всего укладывались в рамки неонароднической идеологии», «сформировался современный для того времени европеизированный тип “чистого пролетария”». По их словам, «полупатриархальные условия существования стесняли и сдерживали этот процесс, консервировали в сознании и психологии его представителей пережитки наследственных мастеровых традиций и убеждений»⁴⁷.

Мы полагаем, что мнения современных исследователей по вопросу о социальном облике рабочего класса Урала со временем эволюционируют. В монографии 1997 г. на основе анализа итогов развития исторической науки во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг., мы писали о том, что «большинство исследователей Урала продолжает отстаивать позиции о том, что уральский пролетариат по своим количественным и качественным характеристикам соответствовал облику российского пролетариата и отвечал всем требованиям гегемона революции 1917 г.»⁴⁸ В 2000 г. этот вывод буквально дословно и, естественно, без ссылки на первоисточник, повторил Ю. Д. Коробков⁴⁹.

Мы и сейчас считаем высказанную нами точку зрения правильной применительно к литературе периода «перестройки» и первой половины 1990-х гг. Однако, произошедшие во второй половине 1990-х гг. – первые годы XXI в. перемены, связанные, прежде всего, с востребованностью в современной исторической нау-

⁴⁴ Гаврилов Д. В. Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма (1861–1917): методологические аспекты проблемы // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861–1917). Свердловск, 1991. С. 73.

⁴⁵ Постников С. П., Фельдман М. А. Указ. соч. С. 12.

⁴⁶ Дмитриев П. Н. Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение М., 2004. С. 149, 161.

⁴⁷ История Удмуртии: XX век. Ижевск, 2005. С. 24.

⁴⁸ Заболотный Е. Б., Камынин В. Д., Тертышный А. Т. Урал накануне великих потрясений 1917 г. С. 147.

⁴⁹ См.: Коробков Ю. Д. Проблема специфики рабочего класса Урала в исторической литературе. С. 274.

ке концепции В. В. Адамова, заставляют нас признать, что все больше современных исследователей склоняется к мнению об особом облике уральского пролетариата.

Изучая социальный облик уральских рабочих советской эпохи, современные исследователи учитывают также тенденции в развитии землепользования уральского рабочего под влиянием новой экономической политики и политики форсированной индустриализации. В современной уральской историографии, имеются глубокие наработки по данной проблеме. Наличие специальных историографических статей, подводящих итоги изучения данной проблемы⁵⁰, избавляет нас от необходимости вдаваться в подробный анализ современной литературы.

Е. Б. Заболотный и А. С. Кармазин, изучив современную литературу с точки зрения отражения в ней социальной политики государства по отношению к рабочему классу, выделили два этапа в изучении данной проблемы в современной историографии: в годы «перестройки» стали формулироваться новые подходы к проблеме землепользования уральских рабочих, а в 1990-е гг. произошел фронтальный пересмотр советской точки зрения на данную проблему. Одно из главных отличий современной историографии от советской указанные авторы видят в том, что «в работах современных исследователей впервые была подвернута научному анализу динамика землепользования уральских рабочих в годы второй и третьей пятилеток»⁵¹.

В контексте изучаемого нами вопроса о влиянии землепользования на социальный облик рабочего класса нас интересуют, во-первых, новые подходы современных исследователей к изучению данного вопроса, во-вторых, их ответы на два вопроса: как они оценивают сам характер связи уральского рабочего с землей и ее влияние на облик советского рабочего и каковы были тенденции в развитии землепользования уральских рабочих в 1920–1930-е гг.

Для современной историографии данного вопроса характерны новые подходы к его рассмотрению. Важное замечание сделал голландский историк М. Ван дер Линден, призвав соединить историю домашнего хозяйства с рабочей историей. По его мнению, до сих пор не предпринималось серьезных попыток установить связь между семейным положением, домашним хозяйством и поведением рабочих в различных ситуациях. Автор пишет: «Результаты исторических исследований свидетельствуют, что лишь некоторая часть рабочего населения склонна организовываться в качестве рабочих, и оказывать сопротивление по мере того, как в бюджете домашних хозяйств возрастает доля оплаты за наемный труд. Несмотря на усиливавшуюся зависимость от заработной платы, вовлечение домашних хозяйств рабочего класса в рабочее движение всегда отчасти определяется другими факторами, такими, например, как рынок труда, трудовые отношения, государственная политика, этнические и религиозные расхождения»⁵².

Это замечание голландского историка А. К. Соколов считает справедливым. Автор пишет: «Для российской истории понятие домашнего хозяйства должно быть значительно расширено вследствие сохранения более сложных семейно-родственных, общинных и прочих архаичных форм бытия. Домашнее хозяйство – это исторически изменяющаяся форма родственных отношений, включающих

⁵⁰ См.: Заболотный Е. Б., Кармазин А. С. Современные исследователи об особенностях социального облика рабочих Урала в 20–30-е гг. XX в.

⁵¹ Там же. С. 88.

⁵² См.: Ван дер Линден М. Соединяя историю домашнего хозяйства с рабочей историей // Конец рабочей истории? М., 1996. С. 259–260.

совместное использование средств существования, полученных из разных источников, за счет чего может достигаться значительная экономия средств». По мнению автора, «часто ведение домашнего хозяйства диктуется лишь необходимостью совместного выживания перед лицом многочисленных трудностей. Доходы от домашнего хозяйства складываются из оплаты труда его членов (в денежной и натуральной формах), пенсий, средств от реализации продуктов с огородов. Садовых участков, от сбора грибов и ягод, сдачи в наем помещений, различных пособий, выплат и т.д. Сюда же следует отнести нелегальные заработки (спекуляция, воровство и т.п.)⁵³.

М. Н. Денисевич полагает, что домашние хозяйства уральских рабочих в 1920-е гг. «носили ярко выраженный потребительский характер. Каждая семья продавала лишь 5 % валовой продукции: 1,9 % зерна, 3,8 % овощей, 5,2 % дров, 7,3 % продукции животноводства, 4,6 % яиц». Автор считает, что в соответствии с потребительским уклоном хозяйств формировалось и потребление. По его подсчетам, «собственное производство зерновых обеспечивало потребности семьи уральского рабочего на 4–5 %, овощей на 66 %, молочных продуктов и продуктов животноводства на 80–90 %, мяса на 11,5 %. Чистый доход от индивидуального хозяйства составлял 12,9 %». Историк приходит к выводу о том, что 1/8 потребительского бюджета удовлетворялась поступлениями от своего хозяйства, 3/45 дохода приходилось на заработную плату⁵⁴.

Следующее новое обстоятельство заключается в том, что многие современные авторы связь рабочих с землей не рассматривают в качестве исключительной особенности именно Урала. Они полагают что, аграризация была одной из составляющих процесса деклассирования рабочего класса после окончания гражданской войны и была характерна не только для Урала.

Историки подчеркивают, что на длительное сохранение связи рабочих различных регионов России с землей оказывали влияние многие факторы. С. П. Постников и М. А. Фельдман указывают на то, что «тот природно-климатический фактор в истории России, о котором столь много писали С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, наглядно проявился в роли земельных участков, личного хозяйства рабочих России в целом»⁵⁵. По словам М. Н. Денисевича, «связь рабочих с землей зависела от различных факторов: исторических традиций, природно-климатических, экономико-географических условий»⁵⁶.

А. И. Черных посчитал, что подсобное хозяйство давало 30 % потребляемых продуктов тульскими горняками, 10 % бюджета иваново-вознесенских текстильщиков и т.д.⁵⁷ По словам С. П. Постникова и М. А. Фельдмана, «к 1926 г. в РСФСР насчитывалось 18,9 % семей промышленных рабочих, имевших землю сельскохозяйственного пользования»⁵⁸.

Все современные исследователи считают, что связь с землей определяла особенности развития уральских рабочих, влияла на их социальный облик. Однако степень этого влияния, а главное – его последствия для облика рабочего, историки оценивают по-разному. Однозначно положительная оценка этого фактора на протяжении всего периода 1920–1930-х гг. дается в трудах М. А. Фельд-

⁵³ Соколов А. К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России // ОИ. 2003. № 5. С. 135.

⁵⁴ Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства Урала. Екатеринбург, 2001. С. 38.

⁵⁵ Постников С. П., Фельдман М. А. Указ. соч. С. 398.

⁵⁶ Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства Урала. С. 37.

⁵⁷ Черных А. И. Становление России Советской. М., 1998. С. 108.

⁵⁸ Постников С. П., Фельдман М. А. Указ. соч. С. 201.

мана, «свой дом с подворьем, напоминающим малую крепость; своя продовольственная база на огороде у дома и в поле; знание, что и где укрывает лес-кормилец, – все это порождало твердость, основательность, неуступчивость рабочего уральского характера»⁵⁹.

Другие современные авторы считают, что к оценке этого явления нужно относиться с учетом конкретно-исторического подхода. По мнению М. Н. Денисевича, для периода нэпа связь рабочих с землей была несомненно положительным явлением для Урала. Он отмечает, что «традиционные связи коренных уральских рабочих с землей сохранили кадровый потенциал от деклассирования в трудный восстановительный период, облегчили проблему продовольственного снабжения быстро растущих промышленных центров»⁶⁰.

А. В. Бакунин, в свою очередь, отрицательно оценивал сохранение связи с землей у уральских рабочих в годы первой пятилетки, писал о распространении «мелкобуржуазной психологии среди части рабочих». По его словам, «сравнительно невысокий уровень материального благосостояния безусловно отражался на формировании уральского рабочего класса, его численности, структуре и квалификации. Исходные характеристики рабочей силы, с которыми Урал вступил в полосу реконструкции, мало способствовали решению грандиозных задач индустриализации края в сжатые сроки. Распространение мелкобуржуазной психологии среди части рабочих, их подвижность, безработица и связанные с нею льготы и пособия, низкий общеобразовательный и квалификационный уровни нередко тормозили формирование рабочих коллективов»⁶¹.

Еще одна группа исследователей настаивает на более дифференцированном подходе к оценке этой особенности уральского пролетариата. В. В. Фельдман, с одной стороны, положительно оценивал наличие земли у рабочих Урала для сохранения рабочих кадров в условиях хозяйственной разрухи. Он писал: «В отличие от Москвы, Петрограда, Донбасса, на Урале рабочие занимались своим хозяйством, оставаясь в горнозаводских поселках. В таких небольших хозяйствах, как правило, отсутствовал необходимый инвентарь, мало было рабочего скота. Но все же они давали возможность пережить тяжелое время»⁶². С другой стороны, историк указывал, что землепользование «продолжало существовать ценой огромных усилий тружеников Урала, несмотря на то, что мешало росту квалификации рабочих, повышению их политической сознательности, способствовало сохранению в рабочей среде мелкобуржуазных настроений»⁶³.

Удмуртские исследователи подчеркивают, что «наличие собственности, домов и участков земли под пасеки, пашню, покосы, выгоны и огороды, мелкого и крупного рогатого скота и производственного инвентаря» дают основание отнести ижевских рабочих «к особому типу пролетариата»⁶⁴. Л. Н. Бехтерева отмечает, что «важной особенностью и отличительной чертой большей части ижевцев – рабочих, как впрочем и уральских в целом, являлась их связь с сельским хозяйством. Они имели свои дома и кустарные мастерские, землю, занимались ее обработкой, содержали мелкий и крупный рогатый скот, часть земли сдавали в

⁵⁹ Фельдман М. А. К вопросу о землепользовании рабочих Урала в первые десятилетия XX в. С. 194.

⁶⁰ Денисевич М. Н. Указ. соч. С. 38.

⁶¹ История народного хозяйства Урала. Свердловск, 1988. Ч. 1. С. 109.

⁶² Фельдман В. В. Восстановление промышленности на Урале (1921–1926 гг.). Свердловск, 1989. С. 110.

⁶³ Там же. С. 112.

⁶⁴ История Удмуртии: XX век. С. 119.

аренду». По мнению автора, «интересы и потребности таких рабочих не выходили за рамки традиционных: значительную часть свободного времени они уделяли личному хозяйству, используя также труд домочадцев»⁶⁵.

Рассматривая вопрос о тенденциях развития землепользования уральских рабочих в 1920–1930-е гг., современные исследователи полагают, что в годы нэпа землепользование уральских рабочих имело тенденцию к увеличению. По словам В. В. Фельдмана, хозяйство рабочего «в течение 1922–1926 гг. все время увеличивалось. Отсутствие каких-либо ограничений в пользовании землей нередко приводило к расширению хозяйства за счет лесов, закрепленных за заводами (главным образом, металлургическими), использовавших лес как строительный материал и топливо»⁶⁶. М. А. Фельдман отмечает: «Начало 20-х гг. усилило степень аграризации рабочего класса на Урале. Число рабочих, имевших посеы, увеличилось с 45 % в 1916 г. до 73 % в 1920 г. и продолжало расти в 1921–1923 гг.»⁶⁷

Авторы считают, что этот процесс проходил и в дальнейшем. При этом они ссылаются на проведенное в 1926/27 г. обследование рабочих бюджетов. В нем содержались данные о том, что 74,2 % семей горнозаводских мастеровых владели земельными наделами, 83,2 % держали корову, у 55,4 % имелась в распоряжении лошадь⁶⁸. Однако, если для М. А. Фельдмана эти результаты стали подтверждением того факта, что землепользование у рабочих Урала было значительно выше, чем у рабочих других районов страны⁶⁹, то М. Н. Денисевич считает, что их «нельзя экстраполировать на весь Урал, так как бюджетные обследования охватывали в основном сельскохозяйственные районы. В стороне остались крупные промышленные центры: Свердловск, Нижний Тагил, Лысьва, Надеждинск, Златоуст и др.»⁷⁰

Исследователи проведенного бюджетного обследования пытались определить какие именно слои уральских рабочих были сильнее связаны с землей. М. А. Фельдман считает, что авторы обследования «не только отметили важность личного хозяйства уральских рабочих, но и обратили внимание на то обстоятельство, что повышение размеров заработка не ведет к отрыву от сельскохозяйственных занятий». По его словам, это означало, что «в большей степени с личными хозяйствами были связаны именно кадровые рабочие региона»⁷¹. Это признает и М. Н. Денисевич, который отмечает, что «по мере восстановления промышленности и пополнения рабочего класса выходцами из деревни росло число беспосевных хозяйств. По горнозаводскому Уралу удельный вес беспосевных хозяйств составлял в 1925 г. 29,8 %, в 1926 г. 34,8 %, в 1927 г. 36,3 %»⁷².

М. А. Фельдман предлагает пересмотреть мнение некоторых советских исследователей, которые пришли к выводу о том, что землепользование уральских рабочих начало сокращаться уже в годы первой пятилетки. Он критикует методику анализа, которую предложил В. Г. Черемных, и обращает внимание на то,

⁶⁵ Бехтерева Л. Н. Опыт реконструкции психологии рабочих ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг. // ОИ. 2000. № 2. С. 172.

⁶⁶ Фельдман В. В. Указ. соч. С. 111.

⁶⁷ Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 158.

⁶⁸ См.: Бюджеты рабочих и служащих. М., 1929. Вып. 1. Бюджет рабочей семьи в 1922–1927 гг. С. 23–24.

⁶⁹ См.: Фельдман М. А. Указ. соч. С. 274.

⁷⁰ Денисевич М. Н. Указ. соч. С. 37.

⁷¹ Фельдман М. А. Указ. соч. С. 274.

⁷² Денисевич М. Н. Указ. соч. С. 38.

что «в 1929–1932 гг. произошло удвоение рабочего класса региона. При отсутствии роста числа земельных участков, слой владельцев посевов, покосов и огородов в определенной степени растворился в массе новых рабочих. За вычетом последних, нетрудно заметить, что около половины “старых” рабочих, несмотря на все формы давления властей, продолжали оставаться держателями земли»⁷³.

При этом, автор упускает из виду один очень важный момент, который свидетельствует о том, что в связи с проводимой политикой коллективизации в 1930 г. было принято решение провести коллективизацию 80 % индивидуальных хозяйств рабочих. М. Н. Денисевич по этому поводу пишет: «Периодическая печать, архивные материалы свидетельствуют о насильственном и преждевременном отрыве коренных рабочих Урала от традиционных форм землепользования»⁷⁴.

Современные исследователи не соглашаются с мнением советских авторов о том, что в годы второй пятилетки землепользование уральских рабочих практически исчезло. М. А. Фельдман пишет о том, что последствия голода 1932–1933 гг. для рабочего класса заставили власти «пойти на уступки и постановление правительства в январе 1934 г. о развертывании индивидуального рабочего огородничества следует рассматривать не как вынужденную реакцию на опасность голодных бунтов, но и как осознание неуступчивости позиции рабочего»⁷⁵. М. Н. Денисевич указывает, что в годы второй пятилетки произошло изменение формы рабочего землепользования. Вместо индивидуальных хозяйств, обобществленных в ходе коллективизации, стало развиваться индивидуальное рабочее огородничество. Он пишет: «С середины 30-х гг. индивидуальное огородничество превратилось в основной вид землепользования рабочих и служащих». По его подсчетам, в 1940 г. 37,4 % рабочих Урала владели огородами⁷⁶.

Современные исследователи обращают внимание на высокую эффективность домашнего хозяйства уральского рабочего к концу 1930-х гг. По данным М. А. Фельдмана, в домашнем хозяйстве уральских рабочих в годы третьей пятилетки производилось 56,6 % потребляемого картофеля, 25 % овощей, 67,7 % молока, 14,5 % мяса⁷⁷. М. Н. Денисевич пишет: что «в 1940 г. на долю личных хозяйств населения Урала приходилась большая часть производства мяса, молока, картофеля, яиц, шерсти»⁷⁸.

Проанализировав тенденции землепользования уральских рабочих на протяжении всех 1920–1930-х гг., С. П. Постников и М. А. Фельдман пришли к выводу о том, что к концу 1930-х гг. «процесс “вымывания” черт хозяина, продолжателя крестьянских традиций сохранения знаний о труде, природе, отношений в быту, вопреки идеологическому давлению сверху не был завершен»⁷⁹. М. А. Фельдман считает, что «власть смирилась с тем, что часть рабочих не являлась чистыми пролетариями»⁸⁰.

С. П. Постников и М. А. Фельдман справедливо обращают внимание на то, что «в 90-е гг. XX в. темы истории рабочего класса в целом, в том числе и социо-

⁷³ Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 276.

⁷⁴ Денисевич М. Н. Указ. соч. С. 42.

⁷⁵ Фельдман М. А. Указ. соч. С. 276.

⁷⁶ Денисевич М. Н. Указ. соч. С. 71, 87.

⁷⁷ См.: Фельдман М. А. Указ. соч. С. 277.

⁷⁸ Денисевич М. Н. Указ. соч. С. 77.

⁷⁹ Постников С. П., Фельдман М. А. Указ. соч. С. 209.

⁸⁰ Фельдман М. А. К вопросу о землепользовании рабочих Урала в первые десятилетия XX в. С. 194.

культурного облика трудящихся, оказались на главном направлении научных исследований не только историков, но и философов, политологов, культурологов»⁸¹. Учитывая длительное влияние на облик уральского рабочего основных черт его традиционного уклада, который сложился еще до революции, развитие этих черт в 1920-е гг., наличие трудностей в материальной и культурно-бытовой сферах в годы нэпа и первых пятилеток, современные исследователи приходят к выводу о невозможности завершения формирования на Урале к концу 1930-х гг. нового рабочего класса, который в полной бы мере отвечал параметрам большевистской идеологии о социалистическом обществе.

К основным чертам рабочего класса Урала к концу 1930 – начала 1940-х гг., которые оказывали серьезное влияние на социокультурный облик рабочих, С. П. Постников и М. А. Фельдман относят, серьезную дифференциацию в рабочей среде. Они пишут, что наряду с тем, что «примерно ¼ рабочих крупной промышленности Урала была связана со сферой распространения позднеиндустриального труда», «одним из итогов индустриализации следует считать сохранение в составе рабочего класса устойчивого большинства – рабочих раннеиндустриальной стадии» и «армии трудящихся, большинство из которых, судя по условиям труда, находилась на стадии доиндустриального производства». По мнению авторов, эти различия напрямую зависели от отраслевого разреза уральской промышленности. Первая категория рабочих трудилась главным образом на предприятиях военного сектора, вторая – в топливном и горнодобывающем секторах, легкой и пищевой промышленности, деревообработке, добыче и переработке минералов, во вспомогательных цехах промышленных предприятий, третья – на лесозаготовках и лесосплаве⁸².

Общий вывод авторов сводится к тому, что к 1941 г. на Урале «преобладающим стал рабочий, характерный для раннеиндустриальной модернизации»⁸³.

Таким образом, современные исследователи подходят к анализу социокультурного облика уральских рабочих с различных методологических позиций. Это приводит к тому, что на страницах современных изданий перед читателем предстает разный рабочий: либо «рабочий с наделом», либо пролетарий, равный по своему положению рабочим из центральных губерний России.

---

⁸¹ Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). С. 3.

⁸² Постников С. П., Фельдман М. А. Указ. соч. С. 123–124.

⁸³ Фельдман М. А. Условия труда промышленных рабочих Урала в первые четыре десятилетия XX в. // Россия и мир: история и историография. Екатеринбург, 2006. Вып. 1. С. 47.